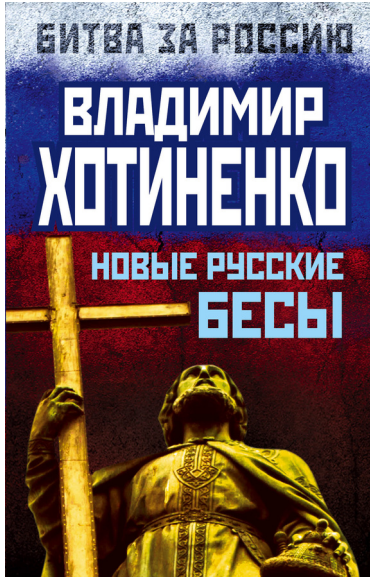

Владимир Хотиненко
Новые русские бесы
Серия «Битва за Россию»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8952778
Владимир Хотиненко. Новые русские бесы: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0900-7

Аннотация

«Бесы» – злободневный роман Федора Михайловича Достоевского. Гениальное пророчество Федора Михайловича о том, что «Иваны, не помнящие родства», люди, ненавидящие русскую жизнь и не признающие национальные особенности России, могут привести страну к гибели, актуально, как никогда.

Борьбу с «бесовщиной» в наши дни продолжает крупнейший режиссер Владимир Хотиненко, автор таких шедевров как «Зеркало для героя», «Мусульманин», «72 метра», «Поп», «Достоевский», и многих других. Последняя работа Хотиненко – сериал «Бесы» по роману Достоевского.

Подобно великому русскому писателю, Хотиненко не побоялся резко и честно бросить в лицо русскоязычной «бесовщины» гневные слова обличения. В своей книге он смело срывает с либералов всех мастей и направлений фиговый листок «общемировых ценностей», и в то же время показывает путь спасения – русскую православную традицию, русскую культуру, русскую цивилизацию.

Хотиненко не обходит стороной и ситуацию на Украине: он пишет, почему отказался снимать фильм по книге Турчинова, и.о. президента Украины, и что дало присоединение Крыма к России.

Содержание

Россия мешает окончательной победе чертовщины	5
Все свои фильмы я снимаю как человек православный	5
В верующих людей труднее поселить зло	10
Россия мешает окончательной победе чертовщины	17
Церковь должна идти туда, где сложно	19
На сегодня нет более актуальной книги, чем «Бесы»	22
Вряд ли Россия – Европа в полном смысле этого понятия...	22
Достоевского долбали, теперь память о нем долбают	24
Спасать нужно не только редких животных, но и народ	28
На сегодня нет более актуальной книги, чем «Бесы»	31
Патриотизм как критерий художественности	34
Родина должна быть на первом месте	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Хотиненко

Новые русские бесы

© Хотиненко В.И., 2014

© ООО Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Россия мешает окончательной победе чертовщины

Все свои фильмы я снимаю как человек православный

(Интервью В.И. Хотиненко для журналиста К. Кашириной)

Фильм режиссера Владимира Хотиненко «Паломничество в Вечный город» – первый совместный кинопроект Ватикана и Русской православной церкви.

Съемку фильма осуществлял Центр «Православная энциклопедия».

Картина состоит из пяти серий. Первая посвящена апостолу Петру, ее ведет Кишиитоф Занусси. Во второй серии Владимир Машков рассказывает об апостоле Павле. Третья серия – о первых христианских мучениках, ведущий – Юрий Соломин. Далее следует серия о первых христианках, ведет ее Ирина Купченко. Заключает фильм рассказ об императоре Константине и императрице Елене, прекращении гонений и становлении христианства как официальной религии, в роли ведущего выступает Никита Михалков.

Съемки картины во многом уникальны. Они велись в Риме в подземной части собора святого Петра, где находится старое кладбище и могила апостола Петра, в Мамертинской темнице (куда были заключены перед казнью Петр и Павел), в других древних римских храмах, где хранятся христианские святыни, а также в древних катакомбах.

– Владимир Иванович, как появилась идея снять фильм «Паломничество в вечный город»? Почему вы обратились к историческому жанру?

– Идея принадлежит не мне. Насколько я знаю, она родилась в церковно-научном центре «Православная энциклопедия». Пригласили меня. Но я тогда делал «Гибель Империи», у меня были съемки и совершенно не было времени. А тема-то ответственная, ей нельзя заниматься мимоходом. И я и отказался. Потом мне позвонили еще раз. Даже моя жена подключилась и... убедила. Вообще-то достаточно длительный это был процесс, я робел. Я представлял сложности, с которыми столкнусь. Тем более, сценария не было... Но в конце концов я решился. После этого отступать уже было некуда. Необходимо было в этот материал погрузиться, изучить. Мои знания, при всем моем интересе к этой теме, все равно поверхностные...

– Но интерес все же был?

– Интерес у меня был всегда. Конечно, я был в теме, как любой православный человек. Но я и не предполагал, какие вещи мне откроются в процессе работы. Я бы даже сказал, горизонты. Мой взгляд на происшедшие почти две тысячи лет назад события совершенно изменился. Я думаю, нам правильно удалось выбрать камертон. Мы решили не поражать зрителей знаниями или объемом информации, у нас другая цель – рассказать о живых людях. Я даже отказался от предложений поснимать на Афоне, в Иерусалиме, чтобы не превращать все в клуб кинопутешественников.

– Это совместный проект?

– Да, этот фильм – совместный проект Ватикана и Православной церкви. В этом, кстати, тоже была некоторая сложность: нужно было построить съемки так, чтобы отразить общие взгляды на события и не угробить первый шаг к сближению. Сама идея родилась в «Православной энциклопедии». Но разрешил Ватикан. Без его помощи мы бы не смогли свободно снимать в Риме. Они смотрели и утверждали сценарий, и так далее. Фильм будет в пяти сериях: первая – это апостол Петр, вторая – апостол Павел, третья – мученики-мужчины, четвертая – мученицы-женщины и пятая серия – Константин и Елена.

– *Вы довольны результатом?*

– Да, основная задача выполнена. Люди, которые для многих были символами, далекими, абстрактными персонажами – ожили. Они страдают, жертвуют жизнью ради своих идей, ради веры... Я заново открыл для себя апостола Павла. Фантастический человек! И его послания. Много раз их перечитывал, но никогда их так не чувствовал, как во время съемок.

– *Вам разрешили снимать могилу апостола Петра. За всю историю кинематографа такое разрешение до вас давали лишь один раз.*

– Да, до этого там сам Ватикан что-то делал и фирма Sony, которая реставрировала Сикстинскую капеллу. Больше там никто не снимал – это совершенно уникальные кадры. Плюс у нас есть потрясающие съемки с крыши Собора святого Петра. До нас никто этот ракурс не использовал. А нам удалось снять очень сложный и красивый кадр, он производит сильное впечатление. Я говорю «красивый», потому что я и хотел сделать красивую, драматичную, во всех отношениях духовную историю. Не хотелось просто пугать людей ужасами, которые действительно тогда происходили.

– *Но вы снимали фильм не просто о людях, которые жили 2000 лет назад, а о святых. Что-то в вас самом изменилось?*

– Знаете, что бы я ни ответил на этот вопрос, все будет выглядеть голословно. Но думаю, изменилось... Я открыл для себя и апостола Павла, и апостола Петра. Павел – яркий, оставил множество посланий, в подлинности которых просто невозможно усомниться. Чего стоит одна реплика: «Я сказал Петру при всех...»! Да она подтверждает достоверность посланий больше, чем уйма исследований! Эта интонация для меня лучшее свидетельство того, что это подлинные слова, подлинные мысли, чувства, характер... И у каждого из них своя драма. У Петра – отречение от Спасителя. У Павла – то, что он не видел Христа. Он всю жизнь нес этот крест. Его даже обвиняли в этом: вот, мол, сам Иисуса даже не видел, как же он может нас учить? И Павел преодолевал это постоянно. Потрясающе! Конечно, всего этого не передашь. У меня внутри осталось больше, чем удалось показать...

– *А хочется продолжить работать в этом жанре?*

– Когда я снял фильм «Мусульманин», это был самый популярный вопрос: не хочется ли продолжить? Не знаю. Хочется – не хочется... Для того чтобы продолжить, должен быть определенный повод, материал и стечение обстоятельств. За этот проект я взялся вопреки всему. Значит, так нужно, значит, это – судьба. Для меня это был риск: фильм документальный, это, как теперь говорят, не мое поле. Хотя я утверждал и продолжаю утверждать, что режиссура – профессия универсальная. И если ты профессионал, ты сможешь, ты должен уметь сделать хоть анимационный, хоть документальный фильм. Профессия такая. Все равно, что хирург. Ну да, у тебя специализация немножко другая, но если нужно будет помочь, хирург должен сделать операцию и не своего профиля. Я снимал «Мусульманина» не для мусульман, а для православных. Более того, абсолютно все свои фильмы я снимаю как человек православный. Для этого совсем не обязательно перед собой крест нести. Это может растворяться в содержании, в стиле и так далее. Для этого не всегда обязательно, а иногда даже вредно брать непосредственно православные темы. Хотя сейчас мы с «Православной энциклопедией» готовим проект о Псковской миссии. Это малоизвестная история времен Второй мировой войны. Тогда Гитлер хотел использовать священников для поддержки своего режима на оккупированной территории, потому что в Советском Союзе Православие преследовалось. А когда немцы поняли, что батюшки не выполняют этой функции, их стали убивать. Потом пришли красные и добились оставшихся... Вот такая трагичная история.

– *И на какой стадии работа над этим проектом?*

– На стадии подготовки, написания сценария. Но основа есть, мы знаем, о чем говорить. Это сложный проект, его надо долго готовить. Вообще, все, что непосредственно связано с религиозной темой – очень опасно, вернее рискованно. Всегда есть искушение впасть

в морализаторство. А это может народ отпугнуть. Религиозная тема намного сложнее любой другой, так как затрагивает тайны, подход к которым у каждого человека сугубо индивидуален. В фильме «Паломничество в вечный город» есть сюжет о Константине Великом. У нас это всего одна серия, а можно было грандиозный фильм снять, блокбастер. Его жизнь полна противоречий и драматизма... Мне много раз предлагали снимать на религиозные темы, но я отказывался. За «Мусульманина» взялся только потому, что увидел необычный угол зрения на проблему.

– *Кстати, у вас там два основных верующих персонажа – священник и главный герой. Почему батюшка так невозмутимо спокоен, хотя видит ту же действительность, которая ужасает мусульманина?*

– Я понимаю, что это спорная точка зрения, но по моему глубочайшему убеждению, в «Мусульманине» очень правильно расставлены акценты. Ведь когда мать Коли Иванова пришла к священнику и рассказала, что ее сын стал мусульманином, помните ее реплику? «Молись, сказал батюшка, а больше ничего не сказал». Тот, кто верит в силу молитвы, поймет правильно. Дело не в том, что православие пассивно, а ислам активен. Просто это совершенно разные дороги, разные пути для души, а приводят ли они к одному или не приводят, не знаю. Понятен соблазн взять и сделать православие энергичным, с активными проповедниками. В Европе таких пастырей все время по телику показывают: огромные залы-стадионы, и энергичный пастырь им что-то рассказывает. Есть в этом что-то от большевизма. Что-то, что меня лично отпугнуло бы. Меня 25 лет назад никто не агитировал креститься. Я сам почувствовал в этом потребность, хотя вырос в атеистической семье. Моя мама крестилась позже меня, когда умер отец. Я ей по телефону диктовал «Отче наш» и «Символ веры».

Я лично считаю, что эти вещи нельзя инспирировать. Одно дело, когда князь Владимир загнал всех в Днепр и крестил. Здесь задача была во многом политическая. Поэтому они с Константином Великим и остаются совершенно отдельными персонажами в истории христианства. Но в нормальной обстановке приход к вере должен происходить спокойно, мягко, с детства. У меня трое внуков: старшему Серафиму – пять лет, есть еще Ванечка и Фекла. Вот они в храм ходят с детства. У них это все намного естественней. Православие – это уже часть их. Вера должна прививаться, что называется, с младых ногтей.

– *Для кого же вы снимали фильм о первых христианах, на какую аудиторию он рассчитан?*

– Он снимался для широкого круга зрителей. Поэтому мы долго и тщательно выбирали ведущих – для каждой серии своего. В первой, о Петре – это Кшиштоф Занусси, он у нас как мостик между православием и католицизмом. Во второй – Машков. Мне кажется, он так хорошо погрузился в тему апостола Павла, что даже сам изменился. Во всяком случае, с ним интересно было работать. А в пятой серии – Никита Михалков. Мы брали не просто известных актеров и режиссеров, а интересных рассказчиков. Каждая серия – рассказ. Историческая правда, конечно, остается исторической правдой, но, как известно, порой она диссонирует с верой. Надо было искать какой-то компромисс. И потом, мы хотели рассказать эту историю людям не только и не столько верующим, но и тем, кто далек от веры.

– *Думаете, посмотрев ваш фильм, неверующий человек изменится?*

– Я надеюсь, что это пробудит в нем интерес. К этим людям, мученикам, и их идеям. Ради чего, собственно, они страдали? Хотелось перекинуть мостик в то время. Может быть, кого-то это и направит. Ради этого стоит рисковать.

– *Какие моменты съемок вам запомнились больше всего?*

– Таких моментов было много. Те же съемки у могилы Петра... Но в тот день был еще один интересный случай. Могила апостола находится непосредственно под куполом (на этом месте раньше было кладбище). И вот, пока съемочная группа собирала внизу аппаратуру, я поднялся и оказался в Соборе, прямо под куполом, совершенно один! Это ни с чем не

сравнимое ощущение! Там, к тому же, зажгли полный свет, который включают только для папских служб. Представляете, за окном ночь, и я один стою под куполом Микеланджело в залитом светом Соборе. Потрясающе...

Еще был замечательный случай. В Риме есть храм святого Франческо Нового. Там хранятся отпечатки колен апостола Петра. Они прямо выплавлены в камне. Был такой Симон Волхв, и в день Вознесения он, чтобы разоблачить христиан, при огромном стечении людей, стал тоже «возноситься». А Петр молился. И, в конце концов, Волхв упал и разбился. Многие говорят: «да ладно, какие там отпечатки», а для меня это реальность, потому что это было столкновение не только духовных, но и каких-то материальных сил, поэтому и следы на камне остались. Но дело даже не в отпечатках. Настоятель храма открыл нам придел и показал икону, которая была записана другой и открыта сравнительно недавно, в 50-х годах прошлого века. По преданию, ее написал апостол Лука. И я первый раз в своей жизни, прости Господи, поверил, что это именно та, настоящая икона, а не список. Представляете, она в пятом веке уже была почитаема! До появления рублевской «Троицы» еще 800 лет! А она уже почитаема! И вот стоишь перед ней, думаешь... На территории нашей страны еще вообще непонятно что творилось, а этой иконе уже поклонялись.

Есть там еще одно замечательное место. Это в церкви Санкта Санторум. Там находится лестница, которую святая Елена привезла из Иерусалима. В ней 28 ступеней, она закрыта деревянным настилом, а ступени отполированы паломниками, которые поднимаются по ней на коленях и на каждой ступеньке читают «Отче наш». Это непередаваемое ощущение. А когда поднимаешься вверх, видишь в окошечке икону Спаса Нерукотворного. Для нас ее открыли...

Да мне все запомнилось. Это же Рим! Это такой город, который невозможно до конца изучить.

– *А что это за лестница?*

– Вот мы и сняли фильм, чтобы об этом рассказать... По этой лестнице Иисус поднимался к Понтию Пилату. И когда это доходит, входит в тебя... и когда еще на коленях туда поднимаешься...

– *Вы так же трудно шли к Церкви?*

– Это был длительный процесс, он продолжался, может быть, полгода. Я тогда учился на высших режиссерских курсах. И вот, почувствовал, что мне не хватает какой-то опоры. Не хватает и все, не могу. И крестился. В храме Знамени Божией Матери на Рижской. Потом там же венчался.

– *Владимир Иванович, вы ведь закончили архитектурный. Как вы решили стать режиссером?*

– Ну, тут судьба. Я, когда закончил институт, довольно быстро понял: тем, что я понимал под архитектурой, мне заниматься не придется. На дворе был семьдесят шестой год. Мне нужно было принимать какое-то решение. И я ушел в армию на год, чтобы не отбывать три года по распределению. А потом однажды в отпуске встретился с Никитой Михалковым – он по каким-то делам приезжал в Екатеринбург. Мы с ним довольно долго говорили, а под конец он сказал: «А не попробовать ли тебе пойти в кино, в режиссуру?». С этого все и началось. Одним словом, судьба. До этого я все время рисовал, что-то писал. Даже в армии. Кино знал достаточно хорошо – в архитектурном многие им увлекались, проходили на просмотры Тарковского и других. В результате Оксана Черкасова, например, стала известным аниматором, Бутусов – рокенрольщиком знаменитым. Такой уж период был в архитектурном, многие сменили род деятельности.

– *А как вообще приходит идея фильма, к примеру, того же «Мусульманина»?*

– Мы тогда работали с Валерой Золотухой, мы с ним уже «Макарова» сделали, и он мне в двух словах рассказал эту историю: возвращается из Афганистана, из плена, парень

по фамилии Иванов, по имени Коля и все бы хорошо, но он там, в плену, принял Ислам. Я сказал: «Хорошо, давай будем делать». Меня вдруг «пробило», я словно увидел всю картину. И Валера написал сценарий.

Но, вообще-то, у меня по-разному это происходит. У меня была замечательная картина, она, к сожалению, вышла, когда развалился СССР, и затерялась в межвременье. Она называлась «Рой», по роману замечательного писателя Сергея Алексеева. А идея возникла так: я летел в самолете к родителям, вижу – кто-то забыл журнал, я его взял и прочитал историю о том, как собака, дог, ползет к ослепленному медведю и лижет ему глаза. Потом связался с автором, и родилась картина. Очень по-разному бывает. По большей части – это просто стечение обстоятельств. Но это только на первый взгляд. На самом деле, ты всегда куда-то идешь. И если идешь по правильной дороге, попадают правильные деревья, на них живут правильные пчелы, у которых находишь правильный мед. А если не туда свернул, то никакого меда нет. Внешне выглядит как случайность, но на самом деле... Есть такое замечательное выражение: кто верит в случайность, тот не верит в Бога.

– *Есть такой режиссер, Владимир Иванович Хотиненко. Кто он? Что он за человек?*

– Сложный вопрос, очень сложный. Я родился на Алтае, в маленьком степном городке Славгороде. У меня многое из детства в голове отпечаталось, но особенно помню один день: ранняя осень, дождичек мелкий, гулять никто не вышел. И вот я сижу под забором, мокрый забор такой, с зеленью... Мог бы домой пойти, но сижу. Смотрю на огороды, домишки, и мне одновременно тоскливо, одиноко и очень хорошо. Так тоскливо и так хорошо!.. Я тогда не читал Чехова, не знал «Трех сестер», но точно помню, в голове звучало: в Москву! в Москву! И поэтическое чувство, зародившееся тогда, по-прежнему живет. Это замес: одновременно и плохо, и хорошо. И весь смысл мироздания в такие минуты не понимаешь даже, а как-то вдруг ощущаешь. Что-то такое до сих пор во мне есть, я все еще тот мальчишка под забором. И еще столько хочется почувствовать, узнать, подготовиться, чтобы потом куда-то туда...

2005 г.

В верующих людей труднее поселить зло

(Интервью В.И. Хотиненко для интернет-издания «православие. ru». Журналист Игорь Зыбин)

Фильм «Поп» повествует о скорбях, радостях и повседневной жизни скромного сельского батюшки, который во время Великой Отечественной Войны окормлял православных верующих на оккупированных немцами территориях. О том, как шла работа над проектом, какое значение фильм приобрел для его создателей, рассказывает режиссер фильма «Поп» Владимир Иванович Хотиненко.

– Владимир Иванович, как случилось, что вы обратили внимание на роман «Поп» Александра Сегеня?

– Это было достаточно давно. Я совершенно случайно, хотя случайностей не бывает (тот, кто верит в случай, как правило, не верит в Бога), встретился с М. Швыдким, бывшим в ту пору министром культуры. Он сказал, что у него есть тема, которая может меня заинтересовать. И в двух словах рассказал мне историю Псковской миссии, о которой я не слышал ни-че-го. При этом он упомянул, что в этой миссии работал отец патриарха Алексия II. Меня эта история очень сильно «зацепила». Во-первых, потому что это совершенно неизвестная большинству страница Великой Отечественной войны. Драма невероятная. Тема тоже невероятно сложная, потому что это история священников, которые на оккупированной территории Псковской области организовали миссию – ее главой был владыка Сергей (Воскресенский) – и стали исполнять свой священнический и человеческий долг, что (и это совершенно естественно) вызывало, как минимум, двойственную реакцию. Ведь для кого-то они стали предателями... Ведь немцы поначалу помогали открывать церкви, восстанавливать их из клубов и складов. Кстати, это происходило не только в Пскове, а во многих других местах тоже. Я, когда занялся изучением этого материала, узнал много интересного: бывало, люди сами отыскивали какого-нибудь старого батюшку, который уже давно был на покое, приводили его в восстанавливаемый храм, и церковь оживала.

Ведь у этих людей на оккупированной территории, которые оказались фактически брошенными – а их было, по разным данным, от 50 до 70 миллионов человек, единственная опора, которая могла их поддержать, была в Боге и Церкви, где они могли быть рядом, вместе помолиться и укрепиться в окружавшем их неведении, в ожидании лучшего... Это нам сейчас легко рассуждать, а какого было им, когда они видели толпы пленных, бегущую армию? Это совсем другое ощущение! А, может, они думали: мало ли, вдруг это снова 300 лет «монголо-татарского ига»? Бог его знает!..

Меня эта история затронула тем, что не только священники были важны в ней, но и люди. Я вдруг понял, что об этих людях, о том, как они жили, у нас очень мало известно. Вот, например, какая-нибудь женщина, у которой на руках – тогда много было детишек – пятеро, да еще вдобавок старики родители. И что она должна была делать? Помирать? Или идти пахать, сеять хлеб? Да, немцы брали долю. Кстати, более щадяще, чем большевики.

Но когда у немцев ухудшилось положение на фронтах, они стали требовать от священников, чтобы те служили молебны во славу немецкой армии, хотя я не убежден, что они верили в силу нашей молитвы. Но я думаю, что, если кто из священников и совершал такие молебны, то эти батюшки наверняка лукавили, рассуждая: мол, ладно, отмолю этот грех, Бог с вами. А кто-то ведь отказывался. В частности, владыка Сергей (Воскресенский), на которого было устроено покушение – и он был убит.

Тут еще есть один момент, на который не все обращают внимание и на который нельзя закрывать глаза: может, благодаря этим процессам, которые происходили на оккупированной территории – конечно, не только им, но и им в том числе, – Сталин в 1943 году проявил

инициативу, и был избран патриарх. А до этого в 1942 году праздновали Пасху, был ночной крестный ход в Москве.

– *Но икону Божией Матери обносили по воздуху, на самолете, еще в 1941 году, до всякой миссии.*

– Да, но, во всяком случае, миссия тоже имела значение... Когда на Псковщину пришла Красная армия, тех, кого немцы не арестовали, арестовали наши. Слава Богу, священников не расстреливали, а отправляли в лагеря, где они сидели долго, минимум по десять лет. Они выходили позже, чем другие наши политзаключенные. И вот эта трагедия людей, драма оказавшихся между молотом и наковальней, меня потрясла.

Но я тогда был занят другой картиной. И поскольку стало известно, что этой темой будет заниматься «Православная энциклопедия», с которой я уже до этого работал, сняв документальную картину «Паломничество в Вечный город», я попросил Сергея Леонидовича Кравца найти хорошего писателя, который бы смог подробно изучить материал и написать книгу. По книге уже можно было делать сценарий. У нас хороших драматургов, особенно умеющих работать с такой деликатной темой, почти нет. Эту тему предложили замечательному писателю Александру Сегеню. Мы с ним встретились, обговорили основные моменты будущей книги, характер главного героя. Как только я прочитал первую страницу рукописи написанного им романа – это был разговор с Мухой, – то сразу понял, что нам есть о чем говорить. Мы быстро нашли общий язык, вместе писали сценарий. Александр Сегень практически постоянно присутствовал на съемочной площадке, мы что-то придумывали по ходу, переделывали.

– *А как рождался образ главного героя, образовывались сюжетные линии?*

– Какие-то сюжетные линии появлялись из конкретных воспоминаний. Был священник, который оставил воспоминания. Но, в отличие от нашего главного героя, он не остался в России, а уехал и до конца своих дней жил в эмиграции, служа в Русской Зарубежной Церкви. Он оставил хорошие воспоминания, которые мы взяли за основу. Даже воспользовались его фамилией: у него была Ионов, а Сегень переделал в Ионин. Многие Александр Сегень и сам придумал, что-то я находил. Я перечитал уйму материала: хроники, записки, написанные как немцами, так и нашими. В частности, эпизод с мертвой коровой я нашел в простых человеческих воспоминаниях обычного немецкого солдата. В действительности все было намного страшней, чем показано в фильме.

– *Сколько времени у вас ушло на изучение материала, его переработку и переосмысление?*

– Около года. Мы искали образ священника. Александр Сегень взял за основу образ своего духовника – замечательного священника. Он приходил к нам, когда мы работали над сценарием, дал нам пояс владыки Сергия – такой чудный расшитый священнический пояс. В фильме Сергей Маковецкий снимается подпоясанный этим поясом. Конечно, мы делали собирательный образ. Мы много смотрели материалов с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Манеру поведения Маковецкий в основном брал с него. Слава Богу, что сохранилось много записанных проповедей отца Иоанна, дающих представление о его манере говорить, о его голосе и прочем. Отец Иоанн по характеру показался нам очень нужным для образа нашего главного героя, особенно его близость к людям. Он фантастически непосредственно со всеми общался. И очень лично, и очень спокойно, и очень ярко – какой-то невероятный замес.

Правда, мне сейчас передают (я сам в Интернет не залезаю), что многие критики считают нашего героя слишком положительным.

– *Действительно, на первый взгляд главный герой фильма кажется идеальным человеком, совсем уж без изъянов.*

– А знаете, я, когда впервые смотрел на отца Иоанна (Крестьянкина), не видел у него изъянов. И у других священников не видел изъянов. Вы, когда подходите к картинам Рафаэля, Леонардо да Винчи, ищите там изъяны? Это какой-то порок нашего века! Если раньше в красоте искали суть, то сейчас ищут в чем-то другом – вот это меня очень сильно смущает. И еще смущает, что показ нормального человека вызывает такую реакцию. Это неправильно по существу. Мерзости и так вокруг хватает, вы ее наберете где угодно: и в нашем кино, и в литературе. А нас интересовал вот такой персонаж, как наш отец Александр, именно вот такой. А что значит «без изъяна»? И что мы подразумеваем под изъяном? Нам что, надо было наделить его каким-нибудь пороком? Чтобы он втихую пил, что ли? Или, не дай Бог, еще чего-нибудь? Что подразумевается под изъяном?

А у нашего героя есть характер. Ведь когда он отказывается отпевать – а священник не имеет права этого делать, – он отказывается отпевать – и все!

К тому же проблема подобного главного героя существует во все века, и это самая сложная проблема! Это самая сложная задача! Федор Михайлович Достоевский мучился, когда писал «Идиота», искал подобных персонажей в мировой литературе (тогда кино не было). И оказалось, что есть только Дон Кихот – и все. Наш великий писатель говорил о своем князе Мышкине, что он смешной, трогательный, даже чудаковатый порой. Но при чем здесь изъяны?

– Тогда вас можно поздравить с тем, что вам удалось создать на экране такого героя, который, словно в зеркале, показывает обществу его истинное лицо.

– Конечно. Я именно так отношусь к своему фильму. И всякая скептическая реакция на фильм – это патологическая реакция, означающая, что человеку о себе пора подумать, прежде всего. Подумать о том, чего он хочет от этого мира, каким он должен предстать перед ним? Что, этот идеальный герой не переживает драму? Что, кому-то показалось, что исполняющий главную роль Сергей Маковецкий не переживает, когда вешают партизан? А сцена, когда его в конце фильма увозят после всех этих событий, – это смирение, то, к чему мы все должны стремиться. У нас бы мир идеальным был, если бы состоял из таких людей, как отец Александр, чего, к сожалению, не может быть.

Для меня это абсолютно принципиальная позиция: мне нужен был именно такой герой – как лакмусовая бумажка. И то время, в которое он мог существовать, как предлагаемая ситуация.

– Год – это достаточное время для того, чтобы досконально изучить историю Псковской миссии. Какие моменты вас заинтересовали более всего?

– Их много. Сразу стало ясно, что нельзя объять необъятное. Я понимал, что некоторым людям это все будет очень сложно воспринять. Например, история – неважно, легенда это или не легенда, – о том, как немцы спасли Иверскую икону Божией Матери. А есть и хроника, и фотографии. Это сложно понять. Может, они выдумали, а может, и нет, но ее спас из пожара немецкий солдат. И в это можно поверить, ведь они не все были животными и зверьми. Я сам читал нормальные, человеческие воспоминания немцев. Или вот, например, запомнилась фотография, где сидят священники и немецкие офицеры. Глядя на нее, я понимал, сколько она может вызвать разноречивых мнений. Еще мне было интересно то (хотя я об этом особенно не думал), что многие священники, пришедшие работать в Псковскую миссию, – кстати, не только они, но и бежавшие от большевиков эмигранты, – воспринимали немцев как освободителей. Может, закрывали глаза, может, лукавили перед самими собой, но им казалось тогда, что немцы могут освободить Россию, которую они любили не меньше нашего, очистить ее от «большевистской заразы». Еще для меня было очень важно – и это похоже на правду, – что если бы еще пару лет не было войны, то в России не осталось бы ни одного храма. Что это такое? Промысел Божий? И они так именно к этому и относились.

А у них была миссия служить Богу и России, они не служили большевикам. Вот такая идея их жизни, и они считали, что все делали правильно.

Вот мы сейчас, такие умные, думаем, что они заблуждались. Для них это было не так, это очевидно. Это были их убеждения. И это были живые люди. И это была их драма. Да, были и такие, которые по слабости душевной служили немцам, просто испугавшись. Ведь есть такое заблуждение, что священник – это какой-то совсем необычный человек. Так думать неправильно. В идеале так и должно быть, но ведь священники – это такие же, как мы, люди, которые – по разным причинам – выбрали путь служения Богу. Одно дело, когда – я знаю такой случай – танкист горел в танке и, хотя был совершенно неверующим, попросил Бога сохранить ему жизнь и обещал Ему служить за это. И стал впоследствии священником. Это идеальный случай, хотя и у этого человека могут быть слабости, но это яркий пример выбора пути служения Богу. Но были и другие. Поэтому не стоит удивляться, что кто-то проявлял слабость.

Меня потрясла одна вещь: партизаны казнили одного священника, служившего немцам, что-то вырезав на его теле. Это чудовищно! Каким бы он ни был... Другие священники помогали партизанам. Действительность была многогранной и совершенно неоднозначной. Все зависело от конкретного священника.

– *По большому счету, вы сняли фильм не о Псковской миссии, а о милосердии...*

– Да, конечно, Псковская миссия – это повод. Так всегда должно быть, чтобы с помощью какого-то повода высказаться о чем-то более обширном и значимом.

– *...и главный герой – это остров милосердия среди кошмара и жестокости войны.*

– Вне всякого сомнения. А на съемках каждую секунду мы: я, Александр Сегень, Сергей Маковецкий – думали, как не свалиться в некую сусальность, в некий глянec, а максимально приблизиться к настоящей человеческой жизни. Мы постоянно об этом думали. Но мы не искали пороков в нем, нашем герое, просто шли другим путем, пытались сделать его живым человеком. И вроде бы своими словами даже это объяснили. Вот, в разговоре с прихожанином, который жалуется на свою жену, отец Александр говорит: мол, и мне иногда свою хочется прибить. В другом месте тоже в уста главного героя вложили фразу, расставляющую все по своим местам: «Что же такое получается: мы предателями будем?»

Мы не играем, не прищуриваемся, делаем вид, что ничего не видим; не прячемся от этой правды. И помните, что отвечает владыка Сергей? «Народу нашему под немцем и так худо будет. Неужели мы его оставим без Божиего благословения?» Вроде бы на все ответили, расставили фигуры на доске жизни, показав, что вот к этому подходим вот так. Смотрите по этим правилам. Нет, наши критики как будто бы другое кино смотрели! Может, стереоочки не сняли после просмотра «Аватара»? Я не знаю, я не понимаю, отчего это. От черстводушия? Как можно не понять, что на таких людях, как отец Александр, все и держится?!

И вдруг – меня от этого чуть покорило; наверное, и дальше будет коробить всю жизнь – я догадался: эти люди не верят в силу молитвы. Для них это все абстракция. Для них такое служение, которое показано на примере отца Александра, – это просто спасение личной жизни, и все. Хотя я глубоко убежден, что если бы не дети, отец Александр – и в тексте об этом прямо говорится, – он бы не боялся, потому что уже лагеря прошел. И когда его допрашивали НКВДшники, он сказал, что согласен с тем, чтоб всем было хорошо, но ничего не может сделать с тем, что молился за Родину. Поэтому люди, которые не верят в силу молитвы, не могут понять, что это такое. Совершенно. И самое чудовищное, что Сталин поверил в силу молитвы, а они не верят. Так что же это такое?

Другой вопрос, что не все верующие, что есть атеисты. На здоровье! Хорошо, тогда посмотрите на эту историю просто по-человечески. Пройди и проживи с отцом Александром эту гуманитарную историю. Один зритель мне написал, что, с его точки зрения, отец Александр выступает как социальный работник. Бог с тобой. Не веришь ты в Бога, посмотри

на отца Александра как на «социального работника». Попробуйте и вы так, спасите пяток детей. Из Саласпилса. Спасите – и все простится вам.

– *Другая тема, которую вы обозначили в фильме как важную, – это возрождение веры перед лицом смерти.*

– Да, очень важной и принципиальной для нас была сцена, когда достают колокола и открывают роспись на куполе в храме. Я люблю эту сцену. Для кого-то она слишком пафосная, а кого-то раздражает так сильно, как будто окропили его святой водой. Прямо аж зашипело. А что такого? Что?

Я очень хорошо помню: когда настало время перестройки и стали показывать наши разрушающиеся храмы, сколько было стенаний после этих документальных фильмов. Сейчас мы показали, как люди восстановили храм в условиях войны, и это вызывает бесовскую реакцию. Это поразительно! Что-то не так «в Датском королевстве». А для меня это важно, и все. Я непоколебим, потому что крестился я тогда, когда нельзя было это делать – 30 лет тому назад. Слава Богу, я пережил разные времена. Но даже, получается, не хватает и этого милосердия. А что же нужно? Я понимаю, что нужно этой либеральной мысли: хорошо было бы, если бы у священника был какой-то порок, если бы он был пьяницей, а еще лучше, если он окажется педофилом. Вот тут бы проснулся живой-преживой интерес, о-го-го какой! Как это печально...

– *Скажите, как вы искали актера на главную роль?*

– Это было сложно. У нас были долгие пробы. Сергей Маковецкий – мой любимый актер, но по сценарию священник был постарше, более пожилой. Но моя жена Татьяна убеждала меня, чтобы я взял Сергея. В конце концов мы попробовали Сережу, и, слава Богу, все получилось. Тем более что уже была выбрана на главную женскую роль Нина Усатова. Она была сразу безусловным кандидатом и для меня, и для Сегеня. Станным образом мы начали с матушки. Хотя чего тут странного? Матушка – это такой мостик между несколько отдаленным от паствы священником и паствой. Священник хоть и является центром приходской жизни, все равно отдельный человек. Сколько я ни встречал священников, они абсолютно другие, чем остальные люди. Разных встречал, даже не очень красноречивых, слабых, но в вопросах веры они абсолютно другие. И это особенно заметно по глазам.

Я опасался, что Нина Усатова с Сережей Маковецким, выражаясь киношным языком, «не смонтируются в кадре». Оказалось, что мои опасения были абсолютно напрасны, и получилась совершенно замечательная пара.

– *Вас не смущало, что примерно в то же время Сергей Маковецкий играл абсолютно противоположного персонажа в фильме «Чудо»?*

– Там тоже не совсем простая роль. Я внимательно смотрел картину А. Прошкина и работу Маковецкого в ней. Он там не простой уполномоченный. И хотя в фильме это и не показано, но, может быть, он, этот уполномоченный, в отличие от всех остальных, и пришел потом к Богу. Уполномоченный ведь только исполнял свою непростую службу, исполнял мастерски свой долг. Может, он такой Савл своеобразный. Не исключаю, что я что-то себе выдумал, но сути это не меняет. Сережа играл характер намного сложнее, чем рядового уполномоченного-искусителя.

– *Вам в жизни много встречалось таких священников, как главный герой вашего фильма?*

– Их много, наверное, не может быть, но встречать приходилось. Я не хочу их поименно называть. Я встречал разных священников. Но я стараюсь, пусть и не всегда получается, придерживаться правила, взятого после того, как крестился: не осуждать священника, каким бы он ни был. Все 30 лет я старался этому следовать. Еще раз подчеркну: не всегда это получается, иногда испытываешь искушения и раздражение. Но в любом случае, это полезно для меня, потому что всякий раз получалось разглядеть священника. Всякий раз

мне удавалось различать то, что позволяло считать этого человека настоящим священником. И меня радует, что я видел очень разных священников: и резких в суждениях, и чуть ли не погоняющих бабок крестом, по-разному общающихся с паствой, косноязычных, ярких, но за этим такая жизнь! У нас консультантом картины был игумен Кирилл (Коровин), настоятель храма Святой Троицы в Листах. Вот он очень яркий человек. И смиренный.

Хотя я общался немного, но у меня остались очень яркие воспоминания о патриархе Алексии II. Может быть, когда-то я их запишу.

– *Вы сказали, что для образа главного героя очень много взяли от отца Иоанна (Крестьянкина). А что вы взяли от старца в свою жизнь?*

– Даже если бы я знал, что взял, то не стал бы перечислять. Не стал бы искушать ни себя, ни обстоятельства. Но, поверьте на слово, много. Для меня этот фильм – очень личный опыт, очень личное потрясение. Даже принятие решения. Понимаете, если ты принимаешь решение за персонаж, а это во власти режиссера сказать актеру, что делать, то ты совершаешь выбор, несмотря на то, что ты его делишь с актером и сценаристом. Здесь было очень много вещей, которые я выбирал вместе с героем. Это был очень личностный опыт, и поэтому я люблю эту картину.

– *Как режиссер вы прожили часть жизни вашего героя, причем самую главную часть. Насколько это встряхнуло вашу жизнь?*

– Зачем встряхивать? У меня такая жизнь, что ее не нужно встряхивать. Нет ни малейшей необходимости. Но эта картина совершенно определенно укрепила меня в православной вере. Я прошел путь сомнений, узнал много такого, что способно смутить, поколебать. Но я знаю одно, что картина меня укрепила. Если бы я оказался в таких же обстоятельствах, то в силу своего характера был бы подпольщиком, партизаном. А эта картина позволила мне прожить жизнь со священником.

– *Премьера фильма состоялась на Пасху. Что это значит для вас?*

– Для меня это очень ответственно. Я как-то робел. Это была не моя инициатива; не знаю, решился бы я сам на такое. Я боялся, что будет какой-нибудь сбой, что-то не получится. Но, слава Богу, все прошло хорошо при присутствии хорошего человеческого собрания, хотя священников было не так и много. Мне прислали sms-ку из Оптиной пустыни: «Всем посмотревшим отцам фильм очень понравился, благодарили и плакали». Вот это для меня очень важно. Важнее всего. Пусть потом говорят что угодно. «Благодарили и плакали». И все. Точка. Мне больше ничего не нужно.

В фильме есть историческая правда. Что это такое? Я давно декларировал, что не верю в историческую правду, еще со времен фильма «1612». Что такое историческая правда? Ее нет, не может быть, потому что ее пишут люди. Но я верю в правду чувств. Чувство – это единственный критерий. Да, ребенку можно объяснить, что такое совесть, как жить по правилам. Да это все написано в Священном Писании, только бы жили по этому! А разве кто живет? Хотя были такие святые, которые жили по заповедям. Там сказано, что горы можно сдвинуть по вере.

Недавно я присутствовал при совершенно фантастическом действии в Сергиевом Посаде. Студенты ВГИКа каждый год ездят дарить ветеранам подарки – традиция у них такая. Полный зал стареньких ветеранов в медалях. Я такого не видел давно. Студенты двух мастерских пели фронтовые песни; все было очень просто, без декораций и костюмов. И когда в финале запели «День Победы» – я вспоминаю это с мурашками по спине, – женщина-ветеран, которая с трудом пришла на концерт, встала, опираясь на костыль. И за ней встал весь зал, и плакали все – и студенты, и ветераны. Вот это правда чувств! Это был урок, который не расскажешь никакими словами, не прочтешь ни в каких книгах. Этот момент ничем не заменишь!.. Поэтому я верю в правду чувств.

– *Наша молодежь сегодня практически не знает, кто такой генерал Д.М. Карбышев.*

– А что вы хотите?! Сколько боролись с нашей историей, начиная с перестройки! Посмотрите на учебники. Сколько боролись с тем, на чем мы можем стоять, чем мы можем согреваться. Сколько это вытравливалось. А сейчас возвращать это уже вроде как искусственно. Вот в чем проблема. Мы возвращаем историю, а нам говорят: «Что вы нам навязываете?» Уже забиты те поры, через которые впитывалась драма того же генерала Карбышева. И тому много примеров. Все это подменено иронией, все это подменено хи-хи да ха-ха, подменено постмодернистским отношением: можно все – и добро, и зло; мы все одинаковые, и все одно и то же. В конечном счете все подменено кокетством: с верой, с жизнью, с собой. Что, конечно же, чудовищно.

– *Снимая фильм, вы думали, насколько он будет интересен молодежи, сможет ее «зацепить»?*

– Когда снимаешь, надо думать, что ты можешь делать, и делать это максимально. Это потом задают вопросы, начинаешь вспоминать: о чем думал, о чем не думал. Чего тут думать? У нас в основном молодежь в кино ходит. Тут важнее, чтобы другие пришли...

Странно, но при этой сегодняшней исторической недоразвитости мои студенты, которым я показывал рабочий материал, сцену, где наши бойцы шли сами сдаваться, не приняли, не захотели впускать в себя. Спрашивали, неужели это так? Оказывается, еще есть дух патриотизма. У меня разные студенты, очень современные, но то, как их это все потрясло, все-все-все надежду.

Но уж совсем трагично другое – когда в отзывах на фильм пишут только, что там природа показана такая красивая. И ведь тут еще не лучше, чем с Карбышевым. Я ведь специально показываю эпизод: панорама земного рая, и немцы говорят: «Станный народ в этой России: такое поразительное сочетание красоты природы и чудовищной убогости». Вот просто для этого только снято! Мы показываем божественную красоту природы и мерзость человеческую. На контрасте. Не понимают. Тупоголовость и черстводушие, совершенная неспособность понять элементарные вещи. А куда дальше идти, если нет основы, зерна? А красота природы, история Карбышева, много других вещей – это те семечки, из которых что-то может вырасти.

– *Если вспомнить вашу давнюю картину «Мусульманин» и последнюю «Поп», то просматривается определенная эволюция: там рассказывалось о рождении веры, здесь о ее плодах – милосердии. Между картинами четырнадцать лет. На ваш взгляд, наше общество прошло такой же путь за это время?*

– Прежде всего, это не моя эволюция. Со мной тоже много чего происходило. Есть эволюция людей, есть и эволюция страны. И та картина согласовалась с тогдашним временем, и эта согласуется с нынешним.

– *Чем вам интересны верующие люди?*

– В первую очередь, они мне интересны тем, что они волей или неволей борются со злом. Даже не думая над этим. Но, несмотря на то, что они со злом борются, это не означает, что они от него защищены. Иногда они даже еще более искушаемы. Тем не менее, в верующих людей труднее поселить зло. Вот этим они мне интересны.

Я мог бы еще говорить, например, про смирение, но я говорю, прежде всего, об очевидных для меня вещах.

2010 г.

Россия мешает окончательной победе чертовщины

(Интервью В.И. Хотиненко для «Российской газеты». Журналисты В. Коновалов, Е. Яковлева)

Владимир Иванович, считается, что тема веры, религии, Церкви пока не очень удачна в российском кино. Образы либо ошибочны, либо не впечатляют, либо вызывают недоумение.

Владимир Хотиненко: По большому счету у нас еще и не снимались истории на эту тему. В фильме «Остров», потрясшем многих, герой – юродивый, он не столько живет по канонам, сколько их нарушает. Ну а поскольку наш зритель и сам мало что соблюдает, ему уже поэтому персонаж близок.

А вообще Церковь и священник – сложнейшие объекты для художественного исследования. Сколько сразу стереотипов (иногда находящих подтверждение в жизни) надо преодолеть: «поп – толокенный лоб» и прочее.

А суть священства до сих пор остается широким массам непонятной. Некоторые думают: это работа такая. Для других, наоборот, священник чуть ли не святой. Священник не обязательно святой, но он – человек с невыносимой ответственностью.

А герой фильма, который мы сейчас снимаем, еще и чистейший человек. И это тоже проблема для режиссера. Знаете, как удобно взять «тему негодяя» и показать, какое сложное и противоречивое существо человек. Но уродство не должно становиться единственным или преобладающим предметом искусства. Если человеку все время показывать, как много в нем мерзости, у него исчезают ориентиры.

РГ: И что добавляет в эту картину ваш новый фильм?

Хотиненко: Картина, которую мы сейчас снимаем – «На реках Вавилонских», посвящена неизвестной истории Церкви в Великую Отечественную войну. Тогда в оккупации оказалось огромное количество наших соотечественников, до 50-70 миллионов человек – население большой европейской страны. Это не считая пленных. Каково было всем этим людям? Как они жили? О той жизни мало что известно. Единственное, что осталось на память – графа в анкете, я сам лично заполнял ее: были ли ваши родственники в оккупации? А занималась ими тогда только Церковь. Только Церковь объединяла и укрепляла.

РГ: При этом сама не попадала в двусмысленное положение?

Хотиненко: Попадала. Немцы же не запрещали Церковь. Даже поначалу поощряли, как и открытие школ. Им нужен был порядок в тылу. И что было делать священникам? Бросать людей? В Евангелии ведь сказано, что это наемник бежит от овец в трудном положении, а «Аз есмь пастырь добрый» и не брошу паству свою. Потом началась сложная игра: и Сталин, и немцы хотели использовать возможности Церкви в своих интересах.

Идея снять об этой сложной ситуации фильм родилась, когда в редакции «Православной энциклопедии» появились первые исторические материалы об этом. Но наш фильм – не историческая хроника, не эпопея, а локальная история. И войну мы в фильме не показываем, только ее отголоски. Но глухая канонада и дальнее зарево могут быть тревожнее, чем сам бой, из-за неизвестности.

РГ: Какой, по-вашему, должна быть церковная тема в кино?

Хотиненко: Важен вопрос меры. Больших игровых фильмов о православии, я думаю, не должно быть много. Иначе будет чувствоваться некое давление. А православие, в моем понимании, – мягкая, деликатная религия. Без пресса. Но документальные и учебные фильмы об истории религии, о Святом Писании, анимация для детей – это хорошо.

Тем более что сейчас эта тема в обществе вызрела. Не потому, что на церковных службах появляются руководители государства, а потому, что люди идут в храм за укреплением себя.

Одновременно это вызывает и определенное сопротивление: зачем нам уроки основ православной культуры в школе? Не слишком ли Церковь давит на нас? Ну, цирк! Дерьмо, которое льется с экранов и рекламных плакатов, не давит, а час православной беседы в неделю сразу задавит!

РГ: Вообще, похоже, обществу нелегко выходить из атеистического состояния. Ваш собственный путь к вере был трудным?

Хотиненко: Я крестился взрослым, в 1980 году, учась на Высших режиссерских курсах. Почувствовал – если мой вольный образ жизни продолжится, я просто пропаду. Как будто на меня что-то сошло: мне это необходимо. Слава богу, нашлась у нас на курсах женщина, царствие ей небесное, она потом монахиней стала – Елизаветой, познакомила меня со священником в храме Знамения Божией Матери на Рижской.

Я при всей эмоциональности достаточно рациональный человек. Но когда собрался креститься, у меня, как говорят церковные люди, «начались искушения», доходящие до мистики. Я вообще опасаюсь такой мистики. Мне достаточно чудес судьбы, например, встречи с моей женой. Или встречи с Никитой Михалковым – в армии на мероприятии по линии общества «Знание».

РГ: А что на вас особенно подействовало, когда вы уже крестились?

Хотиненко: Рим. После того как я снял для «Православной энциклопедии» картину «Паломничество в Вечный город», Рим стал для меня как для верующего и творческого человека необходимым местом. Я называю это «синдромом Гоголя». Как известно, Николай Васильевич, которого трудно заподозрить в равнодушии к Родине, уезжал писать в Рим. Кто хотя бы однажды видел Италию, и в особенности Рим, тот уже никогда не будет до конца несчастным – это Гёте сказал.

РГ: А религиозность не мешает художнику? Ведь появляется тенденциозность, и может возникнуть другой «синдром Гоголя» – желание сжечь рукопись.

Хотиненко: Да, такая опасность существует. Но Рублев же написал «Троицу». А живописцы, музыканты знали религиозное вдохновение. Гоголь – отдельная история. И не настолько, может быть, и трагическая. Ведь мы почему-то думаем: или писатель, или никто. А может быть, он другие открытия совершил бы с тех высот, на которых ему писательство показалось уже не очень нужным.

РГ: Как любитель Рима, скажите, Москва, по-вашему, выдерживает свою историческую заявку на роль Третьего Рима?

Хотиненко: Внешне – не знаю. Здесь столько хулиганства! Меня, как бывшего архитектора, угнетает уродливость застроек. В Риме-то никто никогда ничего не построит в историческом центре, на Аппиевой дороге. А у нас, слава богу, что в Кремле ничего не снесли под новостройку.

Ну а по миссии своей – да. Пусть это вызывает сколько угодно иронии, но именно Москва – Третий Рим. Я убежден, что сейчас Россия – это территория борьбы между добром и злом. Россия мешает окончательной победе чертовщины. И если уж падет этот Рим...

2010 г.

Церковь должна идти туда, где сложно

(Интервью В.И. Хотиненко для «Комсомольской правды». Журналист Анна Балужева)

Режиссер отмечает свой юбилей, по поводу которого и дал интервью нашей газете.

– Владимир Иванович, 60 лет – это очень серьезно? Типа итоги подводить, с высоты полета смотреть, молодежь поучать, лавры с короной поправлять? Или ну это все к лешему – и просто расслабиться?

– Очень милое начало! (Хохочет.) Нужно антракт объявлять.

– О'кей, шутки в сторону. Вы народный артист Российской Федерации. Выше некуда. И все-таки юбилей. Каких наград ждете? Может, медаль какую, орден?

– Мне народного совсем недавно присвоили – а это очень высокая награда. Повыше многих орденов, поэтому в ближайшее время ничего не светит. Сейчас закон довольно жесткий.

– Лимит на ордена ввели?

– Просто какое-то время должно пройти, пока мне можно будет что-то очередное присвоить. Но это дело десятое. Мы начали с подведения итогов, и мне страшно. Хотиненко – 60. А я никак не могу увязать эти 60 с самим собой. А итоги можно подвести в любой момент. Рюмочку выпил, посидел, подвел. Я не очень люблю дни рождения. И отмечать буду сдержанно – только в память о родителях. Без подведения итогов. Я даже не знаю, сколько я снял фильмов.

– Штук 20 с лишним будет. А сейчас, кстати, если снимается кино – то такое, знаете, одноразовое.

– Я бы сказал – фильм-аттракцион. Я это без уничижения это говорю, потому что сам хожу и на «Пиратов», и на «Властелина колец». Я стараюсь быть в курсе того, что происходит в кино вообще. Но в период моей молодости кино занимало все-таки значительно большее место. Были такие мастера, как Антониони, Бергман, Тарковский, Феллини. Да, появлялись и Джеймсы Бонды, но каждый знал свое место. Сейчас Пантеон закрыт уже, и ключик выбросили. Но я убежден, что кино, которое многие не считали искусством, оно одно из всех видов искусства сохранило жизнь. То есть, оно развивается. Даже чисто технически. Выскажу крамольную мысль. Сейчас, может быть, сами художники чуть поотстали от технического прогресса кинематографа.

– А еще сегодня рулят сериалы. Рынок требует. Вот и у вас в активе есть сериал «Достоевский».

– Награды – хороший стимул. К тому же там действительно потрясающая роль Жени Миронова.

– Многие говорят, что выбор на роль Достоевского Евгения Миронова не очень-то удачен. Потому что у нас есть два актера, которые играют знаковых персонажей – Безруков и Миронов.

– Ну, есть достаточное количество людей, которым звучание и моей фамилии неприятно. И что теперь? Женя – перфекционист, и не было дня, чтобы он не пришел с чем-то новым прочитанным. Мы, например, долго не могли решить, как сыграть эпилептические припадки Достоевского. Пока не прочли слова самого писателя: «Дело в том, что в мгновения перед приступом я испытываю прозрение. Это я ни на что другое не променяю». И стало понятно, как это делать.

– С кем вам проще – с неизвестными, не раскрывшимися актерами, или с такими состоявшимися звездами, как Миронов или Маковецкий?

– Но с Сережей Маковецким мы начинали работать, он был неизвестным. Мы дозревали вместе. Да, я умею работать с актерами. Но я априорно работаю с талантливыми людьми – начинающий ли он, не начинающий... Когда Лиза Арзамасова пришла ко мне, я не знал, что она звезда телесериала. Я не возьму на себя смелость сказать, что она была никто, а я из нее что-то сделал. Открылись другие грани. Но она была природно талантлива.

– *С талантом еще и сложно, жить просто. А как на ваши взаимоотношения с людьми влияет ваша вера? Вы же человек верующий.*

– Я где-то в 80-м году крестился. И проделал сложный путь за эти тридцать лет. И по мере вызревания понимаешь противоречия между профессией и мировоззрением. В идеале надо завязать с режиссурой и уйти в монастырь. И я сейчас сижу на двух стульях. На раскояку. Но не могу отказаться от кино, хотя порой должен делать вещи, которые противоречат моей вере. Даже в кино на религиозную тему один елей не интересен никому. Нужен живой драматизм. Значит, нужно показывать похождения Марии Магдалины, например.

– *Страшно спросить, что вас привело к перерождению в 80-м году?*

– Я не буду все равно рассказывать. Грешен. И сильно грешен. Вопрос другой. Дорога к свету бесконечна. Поэтому я не могу и сейчас про себя сказать, что веду себя, как христианин. К сожалению.

– *В связи с этим меня, например, шокировало, когда премьера вашего фильма «Поп» прошла в Храме Христа Спасителя.*

– А почему?

– *Мне это показалось жутким диссонансом между чистотой веры, церковью и искусством массовым, спорным. Раньше актеров хоронили за оградой кладбища.*

– Время меняется. Но это была продюсерская идея. Мне она самому не очень нравилась. Но все равно я не вижу в этом ничего страшного. Во-первых, там есть специальный зал заседаний – не в самом храме. Я бы в жизни не согласился, если бы на месте иконостаса растянули экран. Но церковь должна искать какие-то новые формы работы с паствой. Многих смущает, что батюшки работают с рокерами. Но церковь должна идти туда, где сложно.

– *Раньше у вас была репутация свободного художника – фильм «Макаров» тому пример. В последнее время вы больше известны, как государев режиссер. «Поп», «1612».*

– В фильме «Поп» никто не призывает «будьте все православные». И ничего такого, что бы указывало на государеву службу, нет. Фильм «1612» – это был заказ. Хотя идея показать, что это было такое – Смутное время, у меня была давно. И я делал то, что мне интересно. И никогда под диктовку: ты должен сделать это, должна прозвучать тема партии, правительства. Я делал то, что хотел. Почему никого не смущает, что 90 процентов американских фильмов ура-патриотические? Америка имеет право, а мы?

– *А меж тем, «1612» стал самым кассовым из снятых вами.*

– Да. Но тут кассой не измеришь. Хотя хочется. У меня, кстати, на «1612» было 12 миллионов. Для американцев это – тьфу, гроши.

– *А самая-самая святая вещь, которой вы учите своих учеников во ВГИКе?*

– Профессионализму. Чтобы они могли зарабатывать на хлеб этой профессией. И надо понимать, что режиссура – это самый дорогостоящий способ самоудовлетворения. Ты берешь уйму денег, которые должен как-то оправдать. Вот пример. 13-го в пятницу моя жена выходит из дома, поскользывается и ломает себе руку. Чудовищно. Но, слава богу, есть фантастическая больница, 67-я. Через час уже на операционном столе ей собрали руку. Профессоры. Вот и все.

– *Ух ты! Мы пришли к семейной теме. Юбилей в семейном кругу. Как вы будете отмечать?*

– У нас есть традиция с Танечкой: мы на мой день рождения берем билеты и улетаем в горы – в Альпы, как правило, хотя и в отечественных был во всех. Так уже 10 лет. Мы

не катаемся на лыжах. Мы гуляем. Потом возвращаемся, и я начинаю собирать по очереди: семейный круг, человек 20-30, потом с друзьями посидим. Со студентами тоже отмечаем.

– *Мы начали нашу беседу с итогов. У меня вертелась такая штука в голове. Настоящий самурай не то что об итогах, он о смерти думать обязан два раза в день. Скажите, пожалуйста, есть вещь, о которой вы думаете каждый день?*

– Тянет ответить красиво.

– *Не надо красиво. Надо правду.*

– Мерило жизни – ее конец. И меня реально интересует, каким я подойду к этой отменке-то, после которой будет поздно вато что-либо менять. Не считая каждодневной заботы о Танечке, поскольку она вытесняет все прочие мысли о вечном, бренном, о детях и тому подобное. Но в принципе, это ключевая мысль. И в этом я не вижу страха. Я прочитал любопытный случай. Монаха спрашивают, боится ли он смерти. Он подумал и сказал: «Не боюсь. Робею». Вот суть. Я же помню, когда я лет в шесть к маме подбежал в слезах: «Мама, неужели я умру?». И мама, глядя меня по стриженной головке, сказала: «Когда это еще будет». Это, может быть, и первое воспоминание, и, может быть, ключевое. Если без кокетства.

2012 г.

На сегодня нет более актуальной книги, чем «Бесы»

Вряд ли Россия – Европа в полном смысле этого понятия...

(Интервью В.И. Хотиненко для журналиста А. Заозерской)

В рамках 20-го юбилейного фестиваля «Окно в Европу» состоялся показ фильма «Макаров» с Сергеем Маковецким в главной роли – фильма, ставшего одним из первых победителей этого кинофорума. Режиссер картины Владимир Хотиненко рассказал о том, почему тема оружия и безопасности человека не утрачивает своей актуальности.

– Владимир Иванович, картина «Макаров» была снята в начале 1990 годов, когда в крупных городах России ежедневно происходили убийства. Это было время, когда человеческая жизнь ничего не стоила. Сегодня «Макаров» не устарел?

– В начале 90-х была очень популярна фраза «25 лет – глубокая старость», говорящая о том, что молодых людей, что называется, укладывали пачками. Начало 90-х с двумя путчами ассоциировалось у меня с пистолетом Макарова, и поэтому я так назвал свою картину. Фильм «Макаров» не устарел хотя бы потому, что постоянно на уровне правительства обсуждается введение разрешения оружия в целях защиты.

На мой взгляд, легализация в России оружия – это полное безумие с невероятно тяжелыми последствиями. Стоит на секунду представить, что начнется в России, если легализовать оружие, – волосы встают дыбом. Это будет безудержная, ежедневная пальба. Иллюзия силы, приобретенная войной и оружием, – это самая большая иллюзия, которая преследует человечество. Во мне самом есть любовь к оружию, более того, я наделяю оружие мистической силой, но считаю, что оружием следует восхищаться в музеях, а не применять его на практике и не держать у себя дома.

– Оружие легализовано во многих развитых странах Европы, в частности в Швейцарии, где, кстати, очень низкий уровень преступности. Может, не так страшен черт?

– В России любой самый мелкий конфликт приобретает огромные масштабы. Я видел, как в Баден-Бадене парковался один водитель, расталкивая при этом все, что только мешало его цели, и подумал: «А в России в этом случае началась бы пальба». Москва – не Баден-Баден и не Женева, да и вряд ли Россия – Европа в полном смысле этого понятия.

– Так все-таки, по большому счету, Россия – скорее Азия, нежели Европа? Вы сняли фильмы «Мусульманин» и «Поп» о двух самых распространенных религиях в России и, возможно, знаете ответ на этот вопрос...

– Эти две картины – о вере. Больше о вере, чем о религии. Ни в фильме «Мусульманин», ни в одной из последних моих картин «Поп» не было идеологии вообще, хотя обе эти картины критиковали по идеологическим соображениям. Россия – Европа или Азия? Трудно сказать. По большому счету, в мире со времен древности очень мало что изменилось.

Когда в Риме по заказу Ватикана и Русской православной церкви я снимал картину о Вечном городе, то довольно часто ходил в Колизей и каждый раз ловил себя на мысли: «Хлеба и зрелищ» – вот главный принцип человечества, и он неизменен. Увы. Прочитал недавно замечательную фразу: «Художники Возрождения писали свои картины, зрители смотрели на прекрасное и думали, что жизнь имеет смысл». К сожалению, все, что мы видим

сегодня, наводит на мысль, что жизнь достаточно бессмысленная штука. Я не посыпаю голову пеплом, но прекрасно понимаю, что все мы ходим по замкнутому кругу.

– *На ваш взгляд, что отличает наше время?*

– Самая заметная и судьбоносная, на мой взгляд, примета нашего времени – появление мобильного телефона, связи, которую мы носим с собой в кармане. Фраза «Я снял кино на телефон», которая сейчас в обиходе, еще 20 лет назад показалась бы фантастикой.

– *Владимир Иванович, вы ведете Мастерскую режиссуры игрового кино во ВГИКе, и среди ваших воспитанников – востребованные режиссеры Андрей Кавун, Анна Фенченко. Если вы учите людей снимать кино, значит, верите в силу кинематографа?*

– На недавних парламентских слушаниях в очередной раз я выступил с инициативой о запуске примерно 50 дебютных фильмов выпускников режиссерских факультетов. В результате пришли к выводу, что, скорее всего, запустят всего пять дебютов. Но если так будет продолжаться и дальше, то молодые режиссеры, среди которых есть очень талантливые ребята, просто «закиснут». Есть серьезная проблема в нашем обществе, которую могли бы решить молодые режиссеры.

Молодежная аудитория страны очень агрессивно настроена к российскому кинематографу, и эта агрессия выработана у них в том числе и посредством Интернета. А молодые режиссеры со свежим взглядом, полные желания и решимости, могли бы привлечь некую часть пока еще агрессивно настроенной молодежи на сторону нашего кино.

Я, как режиссер, вряд ли могу это сделать, как и мои опытные коллеги, а вот молодежи это под силу. Мне, как педагогу, горько осознавать, что я воспитываю режиссеров, и, как мне кажется, хороших режиссеров, а они ничего не делают – не потому, что не хотят или не умеют, а потому, что им этого не дают. Не дают, и все тут, потому что к молодежи в нашей стране, увы, не очень бережное отношение. О кадрах, смене никто не думает – все живут только одним днем...

2012 г.

Достоевского долбали, теперь память о нем долбают

(Из интервью В.И. Хотиненко для передачи «Телохранитель». Ведущая Е. Афанасьева)

Е. АФАНАСЬЕВА: ...Мы дозвонились до Владимира Ивановича Хотиненко, режиссера сериала «Достоевский». Добрый вечер, Владимир Иванович.

В. ХОТИНЕНКО: Добрый вечер.

Е. АФАНАСЬЕВА: Обидно, что вы не смогли приехать, но надеемся, это не помешает.

В. ХОТИНЕНКО: Я в Интернете смотрю, что там происходит.

Е. АФАНАСЬЕВА: А, вы нас видите. Ну, прекрасно. Жалко, мы вас не видим.

В. ХОТИНЕНКО: Очень жалко мне тоже.

Е. АФАНАСЬЕВА: Как, по-вашему, прошел сериал? Вы довольны результатами, рейтингами и реакцией общественной?

В. ХОТИНЕНКО: Рейтингом – не знаю, реакцией очень доволен, потому что это реакция. Мне только не понравилась ваша тенденциозность такая. Понимаете, есть ведь всякие отзывы. Вы не затруднили себя ни одним нормальным.

Е. АФАНАСЬЕВА: Нет, ну что вы? Я просто задаю те вопросы, которые задают.

В. ХОТИНЕНКО: Нет-нет, подождите. Это другой совершенно вопрос... Мне досадно что? Ведь понимаете, мнение достоевсковедов, особенно если они затруднят себя, если они по-настоящему относятся к Достоевскому, любят его, они затруднят себя и устроят какой-нибудь круглый стол со мной. Потому что устроили эту заочную разборку, абсолютно беспринципную. Я вам такого, знаете, начитаю, что писали про Федора Михайловича! Вот, пожалуйста: «“Преступление и наказание” наводит скуку, нисколько не выясняет лица героя. Действительно, подобное произведение можно было написать только в ненормальном состоянии». Они производят впечатление людей, которые ни разу не читали, что писали про самого Достоевского. Вот теперь повторяется абсолютно.

И совершенно определенно я бы ответил на любой вопрос, на любой. По поводу казни – слава богу, хоть один аргумент нашелся у автора сценария, что какая разница, мешок надели? Ну, надо же законы понимать: это кино. Никто не обещает документального исследования. А чего так безответственно заявлять, что я там чего-то не знал? Откуда они знают это?

Е. АФАНАСЬЕВА: Да, это... Хорошо.

В. ХОТИНЕНКО: Что я им, школьник, что ли? Я не знаю, сколько там они чего сделали в этой жизни, я знаю, что я сделал. Что это – так отчитывать меня?! Я что, школьник?!

Е. АФАНАСЬЕВА: Да нет, вас не отчитывает никто.

В. ХОТИНЕНКО: Я что, школьник на экзаменах?! Я им много чего могу рассказать.

Е. АФАНАСЬЕВА: Давайте вернемся к разговору все-таки о сериале, а не к заочному спору с критиками. Ну, вот, кстати, автор сценария, Эдуард Володарский, которого вряд ли вы относите к критикам, все-таки это человек, который вместе с вами работал, он не очень доволен тем, что сместился акцент на личную жизнь писателя в ущерб его писательской ипостаси и личности.

В. ХОТИНЕНКО: Вы знаете... Вот как вам это точнее сказать-то? Для этого существуют книжки такие буквальные, вот такие исследования. Для этого существует тот портрет перовский, где вот такой сидит серьезный мыслитель. Захотелось рассказать про другого Достоевского. И я вас уверяю, огромное количество людей на территории нашей страны приняли этого человека. Хотелось Достоевского как человека, потому что ладно сериал – я знаю людей, которые ненавидят Достоевского. И для которых, даже если не дай бог такого

полюбят, это уже какое-то поражение. Я знаю очень много людей, которые ненавидят самого Достоевского, чего уж там? Включая писателя Набокова, к слову сказать.

Поэтому дело не в этом. Тут досадно немножко то, что мы все-таки работали вместе. И мы за кадром ничего не оставляли. Но есть такая кухня своя, и есть то, что потом можно выносить на публику. Значит, он испугался какого-то общественного мнения или еще чего-нибудь – я не знаю, честно говоря. Бог ему судья. А акцент – я вам так скажу: любовь. Если перестанет в нашей жизни занимать такое место любовь и, в частности, любовь к женщине, значит, это будет не человеческая жизнь. И слава богу, в этом смысле Достоевский был живым человеком. Слава богу. И не надо в данном случае передергивать. Мы рассказывали про живого Достоевского.

Е. АФАНАСЬЕВА: Вот здесь как раз была sms-ка с вопросом от нашего слушателя: «Зачем включались фрагменты произведений? Не сделано ли это было для тех, кто даже не читал его?»

В. ХОТИНЕНКО: Нет, не делалось. Слушателю надо понимать, что это общеизвестная формула, что жизнь Достоевского перетекала в его произведения. Потому не исключено, что именно это он сначала сказал в жизни, а потом написал. Поскольку это в буквальном смысле слова есть те объяснения с Аполлинарией, буквально из «Игрока», но это-то абсолютно известно, что он там писал Полину, Аполлинарию. Поэтому я не исключил, что возможно перетекание обратное – что сначала этот разговор произошел в жизни, потом в книжке, а потом мы его опять перенесли в киножизнь. Вот.

Е. АФАНАСЬЕВА: А насколько для вас важным было то, что в свое время Евгений Миронов играл все-таки один из главных образов в творчестве Достоевского – он играл в сериале «Идиот»?

В. ХОТИНЕНКО: Ну как «важно»? Хорошо он сыграл в «Идиоте» Мышкина. А вообще в Достоевском как минимум был еще и Рогожин. Как минимум. Поэтому... Ну как? Да никак. Никакого значения. Может, для Жени для самого – это другой вопрос. Но потом это совершенно определенно для Евгения Миронова совершенно замечательная роль абсолютно, в которой он старался безусловно. И вот эти похлопывания по плечу – я не могу просто – либо Евгения Миронова, либо меня, такие какие-то, да?

Е. АФАНАСЬЕВА: Владимир Иванович, вы долго искали исполнителя главной роли? Или вы сразу знали, что у вас будет Миронов играть?

В. ХОТИНЕНКО: Долго-долго-долго.

Е. АФАНАСЬЕВА: А откроете тайну, кто пробовался еще?

В. ХОТИНЕНКО: Нет. Это надо было Володарскому вспоминать.

Е. АФАНАСЬЕВА: Понятно.

В. ХОТИНЕНКО: А я никогда в жизни не называл, кто там у нас пробовался.

Е. АФАНАСЬЕВА: Насколько долго вы искали грим и портретное сходство?

В. ХОТИНЕНКО: Ну, вы понимаете, во-первых, портретное сходство – не вопрос первостепенной важности. Потому что известно, например, что есть портреты Пушкина работы Тропинина, Кипренского, Соколова. Они все разные, и Пушкин разный. Поэтому если бы писал не Перов, наверное, какой-нибудь другой бы был портрет Достоевского. Были фотографии – мы внимательно изучили все существующие фотографии. Поэтому мы искали то, что можно найти в облике и в существе Жени, Евгения Миронова, отталкивались от этого.

Но, вот, понимаете, система подтасовок. Для нас это был важный вопрос все равно, создание образа Федора Михайловича, а не сходство. Но очень смешно в одной газетке опубликовали. Прямо как издевательство и как метод работы. Про пожилого Достоевского, говорят: «Это Достоевский в жизни», а рядом молодого Миронова из нашего фильма: «А это Миронов так играл Достоевского». Так же нельзя. Понимали: если они публикуют фотографию Миронова из нашего фильма, то нормальный читатель скажет: «А чего? Нормальный

Достоевский». Понимаете? И вот это вот подворовывание – оно сквозит во всем. Интересно даже разобраться в этом, честно говоря.

Е. АФАНАСЬЕВА: А здесь вот как раз был вопрос, на сайт заранее присланный: «Планируется ли продолжение сериала? Ведь, 7 серий охватывают период только до написания «Братьев Карамазовых»».

В. ХОТИНЕНКО: Вы знаете, даст бог, на «Культуре» покажут 8-серийную версию – пошире все чуть-чуть, поподробнее. Ну а то, что мы не стали доводить до смерти, да просто хотелось вот именно этим закончить. И я понять не могу, чем слова, реальные причем слова, сказанные в поездке с Соловьевым (абсолютно не важно, какой это Соловьев, потому что уже в этот момент знают, кто такой Достоевский) хуже? И те слова, которые сказал Соловьев: «А что, если человек...» – они ничем не хуже, чем целование железа. И тем более не целовал он никаких там оков. Короче говоря, это еще один портрет нами был предложен, понимаете?

Е. АФАНАСЬЕВА: Насколько вас как режиссера удивило или нет то, что следом за вашим сериалом поставили сериал «Бригада»? Вот такое странное соседство в эфире канала.

В. ХОТИНЕНКО: Это меня не то что удивило. Я – не хозяин канала, это не только меня удивило... Меня спрашивали постоянно, отчего поставили. Понятия не имею – у меня нет ответа.

Е. АФАНАСЬЕВА: Странно. Вызывает какие-то дополнительные, наверное, ассоциации и размышления, когда после Достоевского появляется Саша Белый.

В. ХОТИНЕНКО: Это, наверное, нужно у кого-то спрашивать, кто занимался формированием этой программы. Для меня это вопрос второй, во всяком случае.

Е. АФАНАСЬЕВА: Да, есть SMS-вопрос от Вячеслава из Новокузнецка, который пишет, что он смотрел отрывками, но считает, что время показа не очень удачное. По его мнению, «Достоевского» нужно показывать ближе к 24 часам, то есть для позднего зрителя.

В. ХОТИНЕНКО: Это тоже вопросы, на которые у меня нет ответа.

Е. АФАНАСЬЕВА: Это не я задаю, это наши слушатели.

В. ХОТИНЕНКО: Нет, вы – это он, кто там задал. Я разговариваю уже с человеком.

Е. АФАНАСЬЕВА: Вячеслав из Новокузнецка.

В. ХОТИНЕНКО: Поэтому я Вячеславу обращаю этот ответ. Не знаю. Это не я, к сожалению, время планирую. Нам тоже казалось, что это немножко не совсем удачно. Сейчас-то уже произошло, поэтому чего задним числом?

Е. АФАНАСЬЕВА: Наталья из Екатеринбурга задает вопрос: «Как вы считаете, сериал поднимет новую волну интереса к творчеству Достоевского?»

В. ХОТИНЕНКО: Ну, это гадание на кофейной гуще. Поднимет – хорошо. Не поднимет – значит, у нас чего-то, может, не получилось. Может, уже время такое. Ну и так далее, и тому подобное.

Вы понимаете, в чем дело? Пусть достоевсковеды возмущаются сколько угодно. Они должны понять одно. Во-первых, может быть, им кажется, что это имя навеки. Но слава богу, что пусть такая мысль, но она есть. Она о Достоевском, не заостеневшем, но все равно подразумевается стереотипный, удобный или неудобный Достоевский. Все равно подразумевается что-то такое, что либо удобно, либо неудобно. Мы постарались показать другого. Спорный? Так и слава богу. Федора Михайловича самого долбали, теперь память о нем долбают. Ничего такого страшного тут нет.

Е. АФАНАСЬЕВА: Спасибо, Владимир Иванович, за участие в программе. Жалко, что вы не пришли.

В. ХОТИНЕНКО: Очень жалко, я жалею.

Е. АФАНАСЬЕВА: Не кипятитесь, пожалуйста. Потому что когда что-то вызывает такую бурную реакцию у прессы, и хорошую, и плохую, естественно, это значит, что попал в какие-то обсуждения общества. Хуже, если бы не заметили ни критики, ни зрители.

В. ХОТИНЕНКО: Нет, поймите меня. Я говорю это только по одной простой причине, что если б это было хоть чуть-чуть объективно, ну, хоть чуть-чуть без похлопываний. Не надо меня похлопывать по плечу. Не люблю, когда меня похлопывают по плечу. Вот и все.

Е. АФАНАСЬЕВА: Понятно. Спасибо...

2011 г.

Спасать нужно не только редких животных, но и народ

(Интервью В.И. Хотиненко для газеты «Аргументы и факты». Журналист Юлия Шигарева)

Ю. ШИГАРЕВА: Ну что, Владимир Иванович, вас можно поздравить с началом съемок «Бесов» по Ф. Достоевскому?

В. ХОТИНЕНКО: С поздравлениями тут сложно (смеется). Это все равно что сказать: «Поздравляю вас с началом очень тяжелой работы, результат которой неизвестен». А так – да, механизм запущен, и это хорошо. Я же сам для себя это выбрал!

Ю. Ш.: А ведь Ленин в свое время хотел запретить «Бесов» как крайне вредное для умов молодежи произведение.

В. Х.: В общем-то, он думал правильно. Потому что роман этот показывал анамнез бунта, революции. «Бесы» – это навсегда, к сожалению. По прозорливости это нечто совершенно невероятное. В убийстве студента Иванова, которое осуществил в самом конце 1860-х революционный кружок Нечаева, Достоевский увидел «сперматозоид» будущих революционных событий в России. Хорошо, роман пытались признать идеологически вредным. Но вы откройте «Катехизис революционера», написанный Нечаевым. Это ужас!

Ю. Ш. Почему?

В. Х.: Нечаев призывает к отказу от всего – от дружбы, от любви. Потому что ничего не может быть выше идеи. И можно предать кого угодно ради идеи. Убить кого угодно во имя высшей справедливости. Причем эти античеловеческие вещи, был уверен Нечаев, человечеству пойдут во благо.

Недавно я у Кафки вычитал гениальную цитату: «Один из самых действенных соблазнов зла – призыв к борьбе». Когда у большинства молодых людей (особенно сегодня) идей в голове нет никаких, эта идея борьбы «во благо» становится весьма соблазнительной. Она придает жизни смысл. Пусть ложный, но смысл.

У нас ведь перед большинством молодых людей какая цель стоит? Деньги и слава. Больше ничего не осталось. Поэтому все рвутся туда, на эту гору, на Олимп, к богам, на которой очень мало места и очень много жертв на пути к ней. На мой взгляд, отсутствие целей – беда не одной только России. Сегодня вся наша цивилизация движется к закату.

Ю. Ш.: В связи с законами, которые принимает Европа (узаконивает однополые браки, решает проблемы мигрантов), невольно возникает вопрос: «А в себе ли эти люди?»

В. Х.: Мне кажется, что не в себе. Хотя бы один из европейцев, принимавших или поддерживавших эти законы о «зеленом коридоре» для мигрантов, пусть спросит самого себя: а ты способен выйти на улицу и первому встречному сказать: «Приходи в мой дом! Живи, делай в нем что хочешь. Я за все заплачу»? Возможно, пара таких подвижников и найдется. Но большинство скажет: «Вы что, с ума сошли? Это же мой дом!» Но ведь и страна – это тоже дом, со своими устоями!

Ю. Ш.: Сегодня все чаще слышится выражение «Надо укреплять властную вертикаль». А может, эта вертикаль не стоит не потому, что власть – неумеха, а потому что этой вертикали просто опереться не на что, ей опоры нормальной не найти?

В. Х.: Мне порой становится больно за нашу страну. Когда вижу, как Путину приходится руководить в режиме ручного управления, в среде, где очень мало людей, которые реально переживали бы за Россию и хотели бы решить ее проблемы – сложнейшие проблемы огромной страны, – как переживал за страну и пытался проводить реформы ей во благо в начале XX в. тот же Столыпин. Было ли в России так всегда? Возможно. И казнокрадство, воровство стали у нас уже особенностями национального характера...

Ю. Ш.: Мне кажется, что все-таки не всегда. И в XIX в., и в большей части XX в. базис страны составлял класс созидателей – да тот же пролетариат! А сегодня кто? Офисный планктон? Класс потребителей?

В. Х.: Я бы сказал так: в России все держалось на трех точках (может, закончу «Бесов» и сниму документальный триптих на эту тему) – пролетариат, крестьянство, интеллигенция. Каждый из них был классом созидателей. И самое печальное в нашей сегодняшней жизни – это исчезновение всех трех классов. А ведь у каждого из них была своя уникальная культура. Вспомните фильм «Юность Максима» – о люмпене, пробившемся в люди... И это (напевает): «Крутится, вертится шар голубой...» Ты буквально кожей ощущал эту жизнь низов, с их жаждой революционной романтики. А это (снова поет): «Не кочегары мы, не плотники...» И вся страна какое-то время жила этим фильмом, этой романтикой монтажников-высотников. И фильмы, и песни вызывали интерес у молодежи: может, в эту профессию пойти? Я уж не говорю о Распутине, Астафьеве, Белове, Шукшине – какой мощнейший пласт деревенской прозы! А песни, нормальные, хорошие песни, которые были одной из таких связующих страну нитей?!

Мы сейчас много говорим о губительной роли революции. Но гораздо более разрушительным стало новое время. Оно оказалось безыдейным. Идея, которую на знаменах перестройки принесли в новую Россию, была изрядно потрачена временем – идея денег, накопительства. Могли бы сперва «Подростка» Достоевского прочитать – там все про это написано: что не в деньгах счастье. Но забыли и про Достоевского, и про предупреждения других умных людей. И вот сейчас мы получили поколение молодых людей, у которых нет даже бледных корешков, которые бы связывали их с тем местом, где они живут. Они плохо образованны (я убедился в этом на вступительных экзаменах во ВГИКе), им ничего не нужно, кроме возможности потреблять. Вот мы боремся за сохранение редких видов животных – леопардов или панд. Нужно это? Нужно! Но дело-то в том, что мы сами уже на краю гибели! И не только леопардов – нас спасать надо! Потому что масштаб бедствия огромен!

Ю. Ш.: Да уж, мы тут недавно по Калининградской области проехали: заросшие бурьяном поля, борщевик по обочинам – выше человеческого роста...

В. Х.: Я несколько картин снимал в Беларуси. Конечно, там свои проблемы... Но в республике все занято делом, поля ухоженные. Я сейчас не говорю о том, что перестройка ничего не дала... Просто хочу, чтобы мы сели и спокойно проанализировали: что мы, проведя все эти преобразования, потеряли и что приобрели. И пока у приобретенного нет никаких шансов перевесить утраченное.

А вообще (задумывается)... Умным людям неплохо было бы чуть-чуть заглянуть в будущее и подумать: а что такое технический прогресс? Да, это очевидно: машины придут на место людей. А люди-то чем будут заниматься?! Ведь работа – это не только деньги. Чтобы пройти тот путь, что отмерен ему на Земле, человек должен вызреть. Воспитывается, вызревает он, пока работает. Почему сегодня на дачах все снова ринулись к грядкам? Потому что работа на земле дает возможность ощутить реальные плоды своего труда. У меня в детстве был такой опыт. Мы тогда жили в Славгороде на Алтае. И мне, десятилетнему мальчишке, захотелось самому вырастить хлеб. Мама выделила на огороде небольшую деляночку, я засеял ее пшеницей. Она вызрела, мне удалось ее перемолоть. И мама мне испекла лепешку – корявенькую, небольшую. Но это была моя лепешка! И я теперь знаю, что такое – труд земледельца.

Понимаю: молодежь никто не заставляет в офисах сидеть. И многим реально интересны компьютеры с их возможностями. А меня не оставляет вопрос: что будет со всей нашей компьютерной цивилизацией, если выключат свет? А ведь это может произойти в любую минуту. И тогда любой мегаполис превратится в ад! Перестанет работать канализация. Самолетам некуда будет приземляться, поездам не на чем ехать... Или попробуй вска-

рабкаться без лифта в свой офис с шикарным панорамным видом на пятьдесят каком-то этаже!.. Это все говорит о близорукости нашей цивилизации. Кстати, как-то прочитал у Тарковского: «Технический прогресс, по существу, создает протезы – он удлиняет наши руки, позволяет передвигаться быстрее, но мы не стали от этого счастливее... Наше духовное развитие настолько отстало, что мы становимся жертвами этого прогресса».

Ю. Ш.: И выход где?

В. Х.: Я не призываю вернуться к лучинам, но если говорить серьезно, то не думать об этом нельзя.

Равно как и о том, в чем смысл жизни? Рано или поздно он встает перед каждым. Потому что это основной вопрос: что я делаю на этой земле? У человека верующего есть ответ, а у человека неверующего внутри оказывается пустота. Чем эту пустоту заполнить? Кто-то может ответить: «Человек рожден для того, чтобы получать наслаждение». Но это может продолжаться ровно столько, сколько позволит здоровье. Есть идея борьбы – но это тоже подмена, потому что она не направлена на вызревание человека. Вот и приходим мы к простой вещи – смысл жизни может быть в воспитании себя. Не образования, нет! Воспитания. Только оно позволит ответить на вопрос, для чего ты – Коля, Вася, Юля, Петя – пришел на этот свет. И учителей в этом направлении надо готовить. И тогда человеку было бы легче найти свое место в жизни. Он бы понял, что быть столяром-краснодеревщиком, ощущать запах стружки, видеть радость людей, для которых ты сделал этот стул или стол, не менее престижно, чем просиживать часы в офисе. А главное – понимать, что, когда человек что-то создает (пусть даже морковку на огороде выращивает), он вызревает. И не упадет на землю недозрелым плодом...

2013 г.

На сегодня нет более актуальной книги, чем «Бесы»

(Интервью В.И. Хотиненко для газеты «Культура». Журналист Е. Кузина)

– Почему вы вновь обращаетесь к Достоевскому?

Хотиненко: Много раз зарекался никогда не снимать классику. После сериала «Достоевский» мне предложили экранизировать «Бесов». Согласился, не раздумывая – померещилось: я знаю, как это сделать. Затем пришло разочарование. Потом вновь вернулась надежда. Сейчас нахожусь между двумя состояниями, но по-прежнему чувствую материал. С классикой всегда непросто, и «Бесы», с моей точки зрения, до сих пор не дались в кино никому. Необычайно сложное произведение. Поживем – увидим, был ли я прав. Фактически дебютирую как экранизатор.

– Поняв Достоевского как человека и автора в предыдущей картине, вы иными глазами перечитали роман?

Хотиненко: Мне очень близок Достоевский. У нас довольно много специалистов, разбирающихся в его творчестве, – так я могу составить компанию любому профессионалу – поддержать компетентный, опирающийся на факты разговор. Но сумма знаний ничего не решает, не несет понимания, подобного любви, посланной свыше. Экранизировать роман – то же самое, что беседовать с его автором. Это сложно, но я попробую.

– Вы снимаете для кино– или телеэкрана?

Хотиненко: Четырехсерийный фильм выйдет на канале «Россия». Но, полагаю, прежде следует сделать прокатную версию. Попробую убедить руководство отснятым материалом. Мне кажется, кино– и телеаудитория у нас не пересекаются. А юный зритель вообще телевизор почти не смотрит.

– Молодежи нравятся боевики и комедии, серьезные фильмы любят не все. На «Бесов» пойдут?

Хотиненко: Когда в нескольких кинотеатрах устроили пробный показ новой английской «Анны Карениной», мы с женой не смогли попасть в зал. Много зависит от того, как преподнести роман. Более актуальной книги, чем «Бесы», на сегодня не существует. Если вы перечитаете роман, поймете: в головах персонажей происходит ровно то, что и сейчас в нашей жизни. Буквально. Один в один.

– Многие сегодня читают «Бесов»?

Хотиненко: Сколько бы их ни было – буду снимать именно для этих людей. Возможно, потом другие прочтут.

– Вы настаиваете на экранизации исходного текста или готовите современную трактовку?

Хотиненко: Первое условие, которое поставил продюсерам – снимаю роман! Никакой актуализации! Затем придумал ход, позволяющий заинтересовать аудиторию и пересказать произведение. Какой – тайна. Все, что написано у Федора Михайловича, в фильме будет. И диалоги, и сюжет.

– Кто будет сниматься в картине?

Хотиненко: Ставрогина сыграет Максим Матвеев. Об остальных пока не хотелось бы говорить.

– Когда и где запланированы съемки?

Хотиненко: В августе будем работать в Москве, потом – в Санкт-Петербурге, Костроме, немножко в Монтрё.

– На телевидении вы выступаете в качестве ведущего программы «Смотрим... Обсуждаем...» Это оригинальное ток-шоу канала «Культура» или есть аналоги за рубежом?

Хотиненко: Авторы проекта – Сергей Мирошниченко и Григорий Либергал. Насколько знаю, на западном ТВ подобной передачи нет. Моя роль в ней, условно говоря, пассивная. Могу рекомендовать для просмотра ту или иную картину – например, посоветовал показать «Ариран» Ким Кидука. Но в целом наш репертуар формирует целая команда. Она готовит и сценарную основу, на которую я опираюсь, присутствуя в кадре как ведущий и режиссер. Получив предложение вести программу, поначалу считал, что это не мое. Уговорил меня главный редактор «Культуры» Сергей Шумаков. Условием участия была абсолютная самостоятельность – говорю то, что хочу. И уже третий год смотрим, обсуждаем – втянулся, чувствую себя как рыба в воде. Пришлось освоить новую профессию, понять ее законы, драматургию. У нас очень многое зависит от аудитории – в первые минуты обсуждения пытаюсь уловить настроение людей.

– Чье мнение – экспертов или зала – наиболее интересно зрителям?

Хотиненко: Все зависит от картины. Есть фильмы, совершенно не волнующие студию. В такие дни от нее не дождешься интересных вопросов и ответов. Напротив, эксперты – профессионалы, всегда говорят интересно. Мне чрезвычайно важно присутствие молодой аудитории, без нее программа носила бы иной характер. У молодых есть собственные взгляды на процессы, происходящие в обществе. В ходе обсуждений документальных фильмов можно увидеть, как молодежь понимает проблемы сегодняшнего мироустройства. Это захватывающий опыт, определяющий мою прямую заинтересованность в «Смотрим... Обсуждаем...»

– Основную аудиторию составляют студенты ВГИКа и журфака МГУ. Участие в проекте помогает состояться будущим профессионалам?

Хотиненко: Может быть. В юности я бы ходил на такую передачу регулярно. В нашем деле научить нельзя, а научиться можно – тот, кто слушает и слышит, а не ждет, когда придет его очередь выступить, обязательно что-то полезное для себя почерпнет. Наши эксперты – замечательные специалисты, могут многое подсказать, правильно направить.

– Их приглашают исходя из тематики картин?

Хотиненко: Да. Есть и практически постоянные участники обсуждений.

– Вы можете назвать фильм, который произвел на вас наиболее сильное впечатление?

Хотиненко: Их несколько. Например, «Мост» Эрика Стила – страшная картина о знаменитом подвесном мосте в Сан-Франциско, на котором происходит множество самоубийств. Невероятная, по-своему циничная история: документалисты снимают суицид. Им говорят: «Как можно? Он сейчас бросится, а вы вместо того, чтобы предотвратить это, включаете камеру?» Отвечают: «Если мы подойдем, самоубийца точно совершит задуманное. А если нет, может быть, передумает. Вызываем спецслужбы». Страшный выбор... У нас было много картин, которые меня потрясли. Пронзительный фильм про бухту в Японии, где охотятся на дельфинов. Ленту Герца Франка – он снял, как ему делают операцию на сердце – посмотрело огромное количество людей, и я получил много благожелательных отзывов об этой передаче, хотя картина очень тяжелая. Мне казалось, фильм трудно дастся аудитории, а вышло наоборот. Предугадать реакцию зала невозможно.

«Просто фильмы» не показываем. В передаче обсуждаются наиболее резонансные ленты – победители международных кинофестивалей. Светлых работ, конечно, меньше: такова жизнь, современное искусство тяготеет к мрачной стороне действительности. Если говорить о позитиве, нас порадовала картина об американском хоре пенсионеров. Потрясающе оптимистично. Как они поют! Коллектив существует очень давно, разъезжает по всему

миру, исполняет классику и рок-н-ролл. Удивительные люди. И фильм получился запоминающимся, эмоциональным.

– *Сегодня по телевизору мало увидишь светлого. Новости и художественные картины рассказывают про убийства, наводнения... Если бы ваша программа демонстрировала меньше мрачных фильмов, это было бы полезнее для аудитории?*

Хотиненко: Конечно, нужно увеличивать количество позитивной информации не только на телевидении, но и в других СМИ тоже. Но у нас очень специфический проект, недаром он называется «Смотрим... Обсуждаем...» Когда все хорошо – и обсуждать нечего. К тому же у канала «Культура» заинтересованный, самостоятельно ориентирующийся зритель. Мы обозначаем проблемы и пытаемся нащупать пути их решения. Каждый должен задуматься всерьез, поразмышлять о том, как он повел бы себя в той или иной ситуации. Недостаточно констатировать: весь мир – бардак.

– *Обсуждения могут помочь зрителям найти решения их личных проблем?*

Хотиненко: Я не очень верю в какую-то практическую функцию программы, но убежден – многих передача укрепляет. Люди понимают, что живут не в вакууме. А это немало.

2013 г.

Патриотизм как критерий художественности

Родина должна быть на первом месте

(Интервью В.И. Хотиненко для радио «Эхо Москвы». Эфир вели Ксения Ларина и Вита Рамм)

К. ЛАРИНА: ... У нас в гостях Сергей Гармаш, позже подойдет Владимир Хотиненко. Здравствуйте, Сергей!

С. ГАРМАШ: Здравствуйте.

К. ЛАРИНА: Давайте я начну с вопроса нашего слушателя. «Смотрел ли Сергей фильм «К-19»? Что он думает об этом фильме? Марина из Челябинска». Когда мы представляли сегодняшнее кино, конечно же, говорили, что это наш ответ «К-19», американцам. Что можно сказать об этом фильме?

С. ГАРМАШ: Это не наш ответ «К-19». Мы не хотели никому отвечать. Мы хотели сделать человеческое кино для широкого круга зрителей. Когда мы делали эту картину, мы думали о том, что она должна быть светлой, с большим титром надежды в конце. Самое главное то, что я сказал в начале, человеческое кино. Что касается «К-19», на мой взгляд, может быть, именно потому, что услуги этой кинокомпании оказывала киностудия «ТРИТЭ», и они снимали у нас, эта картина, американский фильм, снятый о нас, наиболее приближающийся к каким-то реальным вещам, но не до конца, безусловно. Это достаточно серьезная и честная картина. Даже удивительно, что она сделана женщиной. Мне, в первую очередь, понравилось, что там не было русских в валенках и с непонятными погонами, каких-то идиотов. Там был достаточно серьезный подход к историческому факту.

К. ЛАРИНА: А почему такой скандал был, почему ветераны-подводники были так возмущены этим фильмом? Кстати, по-моему, его еще и не видел, как у нас обычно случается.

В. РАММ: На всякий случай.

С. ГАРМАШ: Может быть, на всякий случай, а может быть, потому, что у людей старшего возраста существует такой патриотический момент: «А почему кто-то должен об этом рассказывать, а не мы?»

В. РАММ: Наверное, все-таки «К-19» подтолкнул к мысли, что нужно сделать этот фильм. Тем более, что произведение «72 метра» Александра Покровского уже было напечатано. И, насколько я знаю, по Владивостоку, по Калининграду очень популярно среди моряков. Они ценят этот юмор, это отношение к жизни. Просто нужно верить тому, что «72 метра» это не буквальная экранизация. Конечно, там есть очень много того, что привнес Валерий Золотуха, сценарист, и сами актеры.

С. ГАРМАШ: Да. Некоторые вещи мы просто на площадке додумывали, придумывали, естественно, с согласия сценариста. Но вообще, Володя в этом смысле удивительный режиссер, потому что он просто с открытыми объятиями, с распахнутой душой относится к предложениям актеров. Это не значит, что он их все принимает. Безусловно, не все. Но во всяком случае, он всегда к этому готов. Другое дело, что артистам нужно себя держать в рамках и не позволять себе заниматься не исполнением роли, а только предложениями к артисту, зная, что режиссер...

К. ЛАРИНА: Хвали, хвали! Вот он идет!

С. ГАРМАШ: Да.

К. ЛАРИНА: Это все про Владимира Хотиненко сейчас говорилось. Только хорошее, Володя.

С. ГАРМАШ: А что было поводом, пусть Володя и скажет. Был ли повод? Не думаю.

К. ЛАРИНА Володя, мы начали с того, что вспомнили американский фильм «К-19». Как говорят, наши «72 метра» – это наш ответ американцам на их «К-19».

В. ХОТИНЕНКО: В какой-то газете появилось это – «наш ответ Чемберлену». И потом стало расхожей фразой. Мне это не нравится. Почему? «К-19» может нравиться или не нравиться, это второй вопрос. Но это все картины (я надеюсь, и наша), которые льют воду на ту же самую мельницу этой профессии, на мельницу того духа, в котором существуют эти люди, честь и достоинство. Обратите внимание, картина «К-19» не очень успешно прошла у них в прокате, хотя затрачены были деньги очень большие.

В. РАММ: Она не окупилась.

В. ХОТИНЕНКО: Почему? Им наши герои не нужны. Им нужны наши несчастные люди. И эта бедная режиссерша, которая захотела честно разобраться в этом вопросе, потерпела, к сожалению, поражение. И в этом смысле я скорее ей сочувствую, и в этом смысле это никакой не ответ Чемберлену. Это просто еще одна картина про невероятных людей этой профессии.

К. ЛАРИНА: Факт в том, что все равно, кроме «Командира счастливой “Щуки”», я, например, больше не припомню фильмов на эту тему в истории отечественного кинематографа.

В. ХОТИНЕНКО: Да, может быть.

С. ГАРМАШ: Может быть, где-то в 80-е годы встречаются какие-то фильмы, связанные с подводной лодкой. Но так, как в «Командире счастливой “Щуки”» и в картине «72 метра», где все-таки подводная лодка – главное действующее лицо, такой картины я тоже не припомню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.